

# Биография эпохи



Элина  
БЫСТРИЦКАЯ  
София  
ШЕГЕЛЬМАН

Дыхание  
в унисон



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.161.1-94  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б95

Дизайн серии *Дмитрия Агапонова*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Фото на обложке *Василия Малышева* /  
ФГУП МИА «Россия сегодня» (РИА Новости)

В оформлении книги использованы фотографии работы  
Дмитрия Бочарова, а также из личных архивов авторов,  
фондов музея Государственного академического Малого театра  
и ФГУП МИА «Россия сегодня»

**Быстрицкая, Элина Авраамовна**  
**Шегельман, София Авраамовна**

Б95 Дыхание в унисон / Элина Быстрицкая, София Шегельман. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 480 с.; илл. – (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-146092-1

Элина Быстрицкая – легендарная актриса, не одно поколение зрителей восхищалось ее обаянием, женственностью и красотой. Она отличалась железным характером и сильной волей, именно это помогло ей сыграть Аксинью в фильме «Тихий Дон» и навсегда завладеть народной любовью.

София Шегельман – родная сестра актрисы, редактор и писатель, немалая часть ее жизни пришлось на пребывание в Израиле.

Но, несмотря на расстояние, сестры были очень дружны, при каждой возможности встречались, постоянно перезванивались, с любовью вспоминали своих родных и близких, свое детство и юность, не могли забыть страшные годы войны, первые шаги в профессии, разные перипетии личной жизни. Обо всем этом очень пронзительно и талантливо пишет С. Шегельман.

А Элина Быстрицкая вспоминает о радостных и трудных этапах своего творческого пути, о многогранной общественной деятельности, о своих партнерах по сцене и кино – Михаиле Жарове, Борисе Бабочкине, Софье Гиацинтовой, Сергее Бондарчуке, Николае Черкасове, Михаиле Ульянове, о любимых ролях в Малом театре и новом амплу певицы.

Это действительно «дыхание в унисон», которое соединило сестер не только в жизни, но и в одной книге.

ISBN 978-5-17-146092-1

© Э.А. Быстрицкая (наследник), 2022

© С.А. Шегельман, 2022

© ФГУП МИА «Россия сегодня»

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Элина Быстрицкая

# Долгое ЭХО любви



## От автора

Говорят, у каждого человека есть своя Книга судьбы. В моей уже известно много глав и страниц. Я мысленно листаю их, перечитываю. Есть яркие, написанные в счастливые для меня дни и годы. Встречаются тяжелые, окрашенные в серые, а то и в совсем темные тона. Жизнь есть жизнь, в ней случается всякое.

Вот навскидку одна из «записей» — для меня неожиданная, но приятная. Она относится к 1999 году. «Комсомольская правда» попросила читателей составить список из ста самых красивых женщин XX столетия. А потом журналисты «Комсомолки» принесли мне газетный разворот с фотографиями ста красавиц. Первое место большинство читателей отдали мне. Далее шли Ирина Алферова, Анастасия Вертинская, Алла Ларионова, Людмила Хитяева. И лишь во второй пятерке значились звезды западного кино: Мэрилин Монро, Брижит Бардо, Мишель Морган и другие очаровательные женщины, покоровшие мир красотой. Мне было приятно, что русские актрисы возглавили этот звездный парад.

Я понимаю, что такой опрос — всего лишь журналистские игры. И все же отраднo видеть за ним признание моих соотечественников.

Другая популярная газета написала обо мне: «Любимица страниц и дворцов». Надеюсь, что по поводу страниц — это правда. А вот с дворцами все гораздо сложнее.

Впрочем, не буду цитировать, что обо мне еще писали, — в одних случаях это было бы нескромно, в других — горько и обидно. Иногда ведь даже похвалят так, что слезы на глаза набегают.

## ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ

Бог не обделил меня внешними данными. Но я никогда не участвовала в конкурсах красоты.

Помню, что впервые слова «какая хорошенькая девочка» услышала от раненого солдата фронтового госпиталя, где я, тринадцатилетняя девочка, работала санитаркой. Я оглянулась: о ком это он? Оказалось — обо мне.

Девочка давно стала взрослой, актрисой кино и театра. На ее долю выпало узнать многое: и творческие муки, и всенародное признание, и подозрительность сильных мира сего.

Мне досталось редкое счастье: встретить на перекрестках своей судьбы, на ее широких дорогах и узких тропинках многих замечательных, поистине уникальных людей. И о них — это повествование. Ведь по сути дела весь человеческий путь — это череда встреч с другими людьми, другими судьбами.

Я не стремилась написать автобиографию. В этой книге — лишь фрагменты, «кусочки» моей судьбы, рассказ о памятных событиях и дорогих мне людях. И я старалась быть объективной, мне не хотелось бы даже по неосторожности кого-либо обидеть — я научилась забывать неприятности и помнить добро.

Воспоминания теснятся, подсказывая то, что хотелось бы забыть, и напоминая о счастливых днях и встречах, даривших надежды, что все в жизни будет хорошо, что я сумею совершить много доброго и нужного.

Моя Книга судьбы еще не дописана, жизнь продолжается, и, как положено, она полна неожиданностей. Девочки уже нового времени с жадным любопытством спрашивают меня в письмах и на встречах: «Как вы стали актрисой?»

Господи, какой вечный вопрос! Мой ответ читатели найдут на страницах этой книги. И пусть тем, кто решится избрать для себя трудную и счастливую профессию служения театру, тоже светят звезды надежды...

# Полевая почта № 15938

Название первой главы моей книги заставит иного читателя подумать: опять о войне... Нет, не только о войне — о себе, о том, что я не забыла и забыть никогда не смогу.

Меня часто спрашивают о моих корнях. Откуда, мол, ты и все твои предки? Многие журналисты даже пытались отыскать у меня в роду голубую кровь, а когда я сыграла Аксинью в «Тихом Доне» — видели во мне казачку во всем великолепии физической и духовной красоты. Донские казаки говорили мне: «Ты же наша, станичница, с Дона...»

Я никогда не придавала особого значения имени, отчеству, происхождению, а на часто задаваемый мне вопрос: «Откуда ты?» — говорила просто: «С Украины». Так было до тех пор, пока не получила право отвечать: «Из Москвы».

Да, мои корни на Украине. Там родилась и выросла моя мать Эсфирь Исааковна. Отец Авраам Петрович — из Польши, но долгие годы тоже жил на Украине. Там редко говорят «Авраам», бытует имя Аврам. Оно попало и в мою метрику в графу об отце. И так уж сложилось, что мои друзья и коллеги зовут меня Элиной Аврамовной, а не Авраамовной.

Имя мне выбрала мама — она очень любила героиню Кнута Гамсуна из пьесы «У врат царства». Правда, имя мое должно быть с двумя «л», но при оформлении документов паспортистка, вероятно, ошиблась, и меня записали Элиной.

Если говорить, на кого я похожа, то, наверное, на всех своих родственников одновременно. Вроде бы на маму, но по некоторым чертам лица — на отца. Нос мне достался точно от бабушки.

Мне рассказывали, что когда мама меня носила, она соблюдала все народные, как у нас называли, женские «забобоны». Весь срок беременности она не смотрела и не слушала ничего такого, что могло бы вызвать отрицательные эмоции. Избегала любых ссор, а если при ней возникали какие-то перепалки — просто отходила в сторо-

ну. Это было разумное поведение, подсказанное народным опытом.

Я родилась в 1928 году в Киеве — в доме № 1 по улице Каравановской. Мама работала в школе, отец — военный врач, постоянно разъезжал по воинским гарнизонам, больницам, госпиталям.

Жили мы в квартире, которая принадлежала бабушке. В одной комнатке ютились бабушка, старшая мамина сестра и мой двоюродный брат. Во второй, в десять квадратных метров, — папа, мама и я. В комнатке стояли родительская кровать, моя кроватка, а когда через девять лет появилась сестричка, она заняла кроватку, а меня «выселили» на раскладушку. Еще стояли шкаф и маленькая этажерка с папиными книгами.

Как мы все вмещались в эту квартирку, сегодня я просто представить себе не могу. Правда, так жили не только мы, так жили очень многие. Дома были набиты людьми, как ульи пчелами. В моей памяти сама эта бабушкина квартирка почти не сохранилась, но я до сих пор помню: ее многочисленные обитатели непрерывно готовили еду, стирали, сушили белье. И, несмотря на такое скопление людей, ссоры были большой редкостью.

В нашем доме на лестнице был устроен детский «театр». Были места для зрителей — родителей и соседей, между этажами площадка — сцена и балкон — закулисье. Особенно часто мы представляли что-нибудь из «Чапаева». Чапаем был мой двоюродный брат, я, естественно, — Петькой. Выходила и важно командовала: «Тихо! Чапай думать будет!» Мне казалось, что я говорю это строго, и непонятно было, почему взрослые весело смеются.

В ответ на вопрос, откуда я родом, я могла бы ответить: из бедности, из коммуналки, из войны. Самое удивительное, что никто эту бедность не ощущал, — мы свято веровали, что это и есть счастливая жизнь, а завтрашняя жизнь вообще будет замечательной.

Но все же теснота нас донимала. И когда папе предложили переехать служить из столичного Киева в маленький городок Нежин, где можно было получить отдельную квартиру, он охотно согласился. Папу не смущало, что мы меняем столицу на провинцию, — он был человеком без ненужных амбиций. В Нежине находился военный гарнизон и требовался врач. Это был тихий зеленый городок.

Когда настало лето 1941 года, мы решили, что каникулы проведем у папы. Перед отъездом мама понесла в починку примус. Слесарь ей сказал:

– Куда вы едете, мадам? Будет война!

– Не говорите глупостей! – решительно ответила моя оптимистка мама. Хотя о надвигающейся войне тогда говорили многие.

Мы поехали. Взяли только летние вещи, предполагалось, что я буду купаться и загорать. В Киеве остались вся наша теплая одежда, альбомы с фотографиями, все то, что в каждой семье накапливается годами.

Несколько лет назад я попыталась у давних знакомых нашей семьи по Киеву отыскать наши семейные фотографии. Нашлись три-четыре, остальные погибли в огне войны, которая обрушилась на страну, на всех нас.

Она началась внезапно – бомбежками близкого Киева, спешной погрузкой частей местного военного гарнизона в эшелоны, воздушными тревогами, длинными очередями на призывных пунктах.

Я тоже хотела защищать Родину. И через неделю после начала войны, в конце июня, пошла в госпиталь, в котором служил мой отец. Его хорошо знали и уважали. Конечно, можно было попросить папу определить меня на службу, но я решила действовать самостоятельно: уже в то время я полагалась на собственные силы, и этот принцип остался в основе моего характера навсегда.

Часовые на проходной остановили меня, мне не удалось упротить их пропустить меня внутрь. Тогда я завернула за угол ограды и перелезла через нее.

В штабе госпиталя я нашла кабинет комиссара, смело вошла к нему и заявила:

– Хочу помогать фронту.

Фамилию комиссара я запомнила – Котляр. А имя и отчество уже стерлись в памяти. Он внимательно посмотрел на меня – тоненькую, худенькую – и спросил:

– Что ты умеешь делать?

Я очень важно, с достоинством ответила:

– Для фронта я умею делать все.

## ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ

Комиссар вполне серьезно решил:

– Хорошо, будешь работать в нашем госпитале. Разносить раненым почту, писать им письма под диктовку, читать газеты...

Комиссар был мудрым человеком. Он понимал, как важно искалеченным войной людям общаться с приветливой, жизнерадостной девочкой.

Вначале на довольствие меня не ставили, сделали это потом, когда увидели, что я не сбежала ни от крови, ни от боли. Так я стала помогать армии, и эта служба продолжалась довольно долго.

Госпиталь располагался в Гоголевском лицее, в котором перед войной и после нее находился Нежинский педагогический институт, теперь это педагогический университет с долгой и славной историей. Когда я первый раз в 1948 году пришла туда на занятия и увидела аудитории, в которых в 1941 году были обустроены госпитальные палаты, лежали раненые, мне показалось, что я возвратилась в прошлое, в страшные дни начала войны, ужасы отступления по всем фронтам.

Госпиталь развернули как стационарный, но в Нежине он оставался очень недолго, так как вскоре пришлось отступать. Я пишу деликатно: отступать... Фронт быстро докатился до нашего городка. Из Нежина лаборатория, которой руководил мой отец, и еще какое-то подразделение госпиталя выбирались на крытых грузовиках. Весь остальной личный состав уезжал поездом. Мы должны были соединиться на небольшой станции Готня под Харьковом.

Дорога, по которой мы двигались на своих грузовиках, шла мимо сел, между горящими полями. Неубранный хлеб сжигали, чтобы ничего не досталось врагу. А урожай в то лето выдался богатый... Низко стелился дым, пламя катилось по полям, и казалось, это сгорает наша прежняя жизнь.

Чтобы проскочить через пожарища, мы поливали брезент кузова водой. Это был ужас, и не верилось, что нам удастся выбраться из огненной западни. Первую ночь мы провели в сарае вместе с кроликами. Радовались, что над головой была крыша.

Мы ехали через город Сумы. Карты не было, дорогу спрашивали у местных жителей, один раз нам ее неправильно показали, и мы

едва не попали к немцам. Обстановка сложилась такая, что невозможно было понять, где враги, а где наши.

Все-таки добрались до Готни, и там был развернут наш госпиталь. Не успели принять раненых, как нас отправили дальше. Давние очень дела, но все же ветераны, фронтовики, кому довелось там быть, помнят, что тогда творилось под Харьковом и на Северском Донце: наши войска наступали, отступали и в конце концов попали в окружение, которое позже получило название «харьковской мясорубки». Наших бойцов и командиров полегло там без счета.

Тем не менее наш госпиталь сумел пробиться. Какой-то военный начальник, спасая раненых и врачей, своевременно отдал милосердный приказ покинуть Готню. Мы видели, как из отступавших красноармейцев наспех формировались части и им отдавался приказ стоять насмерть. Они и стояли, пока не погибали... Насмерть.

Что из себя представлял наш эшелон? Товарные вагоны-теплушки, двери раздвигаются в две стороны, и по обе стороны от дверей в два «этажа» настелены нары, сколоченные из широких толстых досок. Я помню, что мы были на втором «этаже». Рядом с нами оказалась доктор Шульга, беременная, животик у нее был уже достаточно большой. А внизу – доктор Быховский. Вагон забили до отказа, я даже не знаю, сколько нас в него затолкали.

Туалета в теплушке, ясное дело, не было. Приспособили горшки, кастрюли и отгородили уголок ширмой из тонких одеял. Вначале смущались, но вскоре привыкли. Вот так мы и ехали...

Самые жуткие воспоминания – бомбежки. Никогда не знаешь, не можешь предугадать, что будет в следующий момент. И не всегда удавалось выскочить из теплушки...

Через некоторое время врачи сказали, что нас направляют под Сталинград, где шли кровопролитные бои. Нас бомбили почти каждый день – большие красные медицинские кресты на крышах не спасали. Я помню одну страшно жестокую бомбежку. Как только появились вражеские самолеты, раздалась команда: «Всем из вагонов!» Я побежала вместе со всеми в степь и оттуда видела, как самолеты бомбили и расстреливали беззащитный санитарный

поезд. Вагоны горели, взрывы бомб сбрасывали их с рельсов... Не приведи господи!

Нам помогли железнодорожники и подросшие на помощь бойцы какой-то части — собрали уцелевшие вагоны в подобие эшелона. Погибших (25 человек) сложили на крыши вагонов. Командование распорядилось отправить нас в ближний тыл на переформирование. Госпиталю сменили номер: был 1954, стал 3261. Отец принял решение, повергшее нас с мамой в шок: он попросился добровольцем под Сталинград. Собирая вещмешок, он говорил: «Я скоро вернусь!» А мы думали, что больше никогда не увидим его.

Наш госпиталь отправили в Уральск на переформирование, но часть личного состава попала в Актюбинск, в том числе и я с мамой и сестренкой. Это был тыловой город, где сбились в то время тысячи эвакуированных, раненых. Все школы были заняты госпиталями. Раненые мрачно шутили: из Актюбинска две дороги — в землю и на фронт. Мы хотели на фронт и дожидались приказа. Нам говорили: «Ждите!» В ожидании решения своей судьбы мы снимали комнату у какого-то железнодорожного служащего. Было не только голодно, но и страшно холодно: стояли суровые казахстанские морозы. Уголь и дрова в степном Казахстане стоили невероятно дорого, и каждый день я уходила в степь собирать кизяки и сухую полынь — единственные доступные нам виды топлива. Они сгорали в одно мгновение, и надо было успеть испечь лепешки на плите. Тепла ждать было нечего.

Вскоре моя настойчивая интеллигентная мама через военкомат все-таки разыскала наш госпиталь в Уральске, и мы отправились туда. Но там долго не задержались — госпиталь перебросили в прифронтовую зону. Так мы попали в только что освобожденный Донецк.

В городе было очень много незахороненных трупов. Шурфы шахт были заполнены сброшенными в них останками людей. Донецк весь пропитался тошнотворным запахом гниения и смерти. В развалинах еще прятались немцы, их отлавливали, отправляли на сборные пункты.

Запах смерти и тлена я помню, а время года — нет. Господи, почему я этого не помню? Может быть, потому, что краски природы не

воспринимались, их просто не было, все вокруг казалось черным-черно. А еще вот почему каких-то деталей не помню: я заболела, была без сознания. Меня на носилках унесли в подвал железнодорожной поликлиники, где разместился главный корпус госпиталя. Когда я пришла в себя, услышала немецкую речь. Я решила, что попала в плен, а оказалось, что рядом бредил раненый немец.

Я перебарывала болезнь, а тем временем разворачивали госпиталь. Он был большим – на пять тысяч коек. Все врачи, сестры и санитарки мыли полы и окна уцелевших зданий, выгребали мусор, ставили и стелили кровати, приносили отовсюду все, что могло пригодиться. Всю работу по устройству операционных, палат, лабораторий, аптечных пунктов делал личный состав. Никто не считался ни с должностями, ни с возрастом, ни со званиями. Ведь от того, как быстро удавалось развернуть госпиталь, зависела жизнь очень многих людей.

Выздоровливала я быстро. Да и залеживаться долго было нельзя – все выбивались из сил. В какой-то день ко мне подошла старшая сестра, спросила: «Встать можешь? Не хватает лаборанток...»

К этому времени я уже окончила двухмесячные курсы, после которых можно было стать медицинской сестрой. Но меня, малолетнюю, определили в лаборантки.

Когда приходили вагоны или машины с ранеными, на приемку выходили все. Наш госпиталь был сортировочным, и раненые поступали непрерывно. Я тоже выходила на приемку и чувствовала себя очень достойно оттого, что выполняю наравне со всеми тяжелую работу. Как мне удавалось с напарницей поднимать носилки с ранеными, сейчас представить просто не могу.

Втихомолку я гордилась, когда раненые в палатах говорили то ли в шутку, то ли всерьез: «Пусть придет вот та лаборантка, что с косичками, тогда я дам кровь, а другим – нет, не дам». Может, они представляли себе, что это к ним как бы приходит дочка или младшая сестричка. А я изо всех сил старалась сделать укол так, чтобы им не было больно. Освоила маленькую хитрость: надо отвлечь внимание раненого от укола каким-нибудь иным физическим действием – например, легонько шлепнуть его ладошкой. Понемногу я научилась пользоваться микроскопом, потом стала самостоятельно делать все